Коннаж Ж

Посл заявление
русск либералов
1890

2 экз

...station des liberaux russes, par G. Kennan.

ПОСЛѢДНЕЕ ЗАЯВЛЕНІЕ РУССКИХЪ ЛИБЕРАЛОВЪ

ЖОРЖА КЕННАНА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, rue du Rhône, 68
1890

ПОСЛѢДНЕЕ ЗАЯВЛЕНІЕ

РУССКИХЪ ЛИБЕРАЛОВЪ

ЖОРЖА КЕННАНА

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, rue du Rhône, 68
1890

Библиотека
ИМЭЛ

У

ПОСЛѢДНЕЕ

ЗАЯВЛЕНІЕ РУССКИХЪ ЛИБЕРАЛОВЪ.

Въ числѣ вопросовъ, рождающихся въ умѣ всякаго безпристрастнаго изслѣдователя событій русской жизни за послѣднія 20 лѣтъ, являются прежде всего слѣдующіе: каковы реальный характеръ и значеніе протестовъ противъ правительства, которые приняли въ Россіи столь крайнюю и насильственную форму, каковы ихъ причины и какія убѣжденія, надежды и цѣли имѣетъ та партія или классъ, которая обнаруживаетъ такой неукротимый духъ возмущенія и дѣйствуетъ съ такой свирѣпой и разрушительной энергіей? Представляетъ ли эта протестующая партія однородное цѣлое, члены котораго одушевлены одинаковыми идеями или же они разнятся въ своихъ взглядахъ какъ на принципы, такъ и на способы дѣйствія? Есть ли то, что принято принимать подъ словомъ „нигилизмъ“ просто философія отрицанія и разрушенія, не загадывающая далѣе ниспроверженія существующихъ учрежденій, или же она имѣетъ въ виду свои идеалы соціальнаго порядка, которые надѣется осуществить впослѣдствіи? И если нигилисты принадлежатъ къ соціальнымъ реформаторамъ, искренно желающимъ улучшить положеніе народа, измѣнивъ соціальный и политическій порядокъ вещей въ направленіи большей свободы, то какъ же могло случиться, что они выступили со своими протестами какъ разъ въ то

время, когда реформы въ желаемомъ ими направленіи уже такъ быстро стали совершаться, и за что же они такъ неумолимо преслѣдовали и, наконецъ, умертвили Александра II, человѣка производившаго эти реформы по мѣрѣ того, какъ они казались ему своевременными и достаточно назрѣвшими? Словомъ, что скрывается за этими явленіями современной русской исторіи? Надо дать отвѣты на эти вопросы прежде, чѣмъ составить себѣ надлежащее понятіе о существующемъ положеніи въ Россіи, а также и предсказаніе о вѣроятномъ исходѣ борьбы, происходящей въ ней.

Во время моего послѣдняго двухлѣтняго путешествія, мнѣ посчастливилось свести близкое личное знакомство съ болѣе чѣмъ 500-ми лицами, принадлежащими къ русской партіи протеста, считая въ томъ числѣ не менѣе 300 такъ называемыхъ нигилистовъ, находящихся на каторгѣ, въ изгнаніи и въ сибирскихъ тюрьмахъ. Можетъ быть, мнѣ удастся пролить немного свѣта на темныя стороны новѣйшей русской исторіи и отвѣтить на нѣкоторые вопросы, поднимающіеся неизбѣжно при внимательномъ изученіи русскихъ дѣлъ. Тема эта, однако, слишкомъ обширна и сложна, а потому въ настоящей статьѣ я и не берусь обнять ее во всей полнотѣ. Я желаю только исправить многія распространенныя ложныя свѣдѣнія и сдѣлать очеркъ извѣстнаго фазиса русскаго протеста противъ правительства, а именно того мирнаго законнаго фазиса убѣжденій, который предшествовалъ призыву къ силѣ, явившемуся необходимымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ безуспѣшности мирнаго протеста.

Въ Америкѣ установилось общее впечатлѣніе, что въ Россіи протестующая партія представляетъ однородное цѣлое, что члены ея всѣ принадлежатъ къ нигилистамъ, предпочитающимъ насиліе всѣмъ инымъ способамъ исправ-

ленія правительственныхъ ошибокъ, что они стремятся единственно къ разрушенію существующихъ учрежденій и что въ этой нигилистической формѣ протеста противъ власти скрывается нѣчто особенное и таинственное, присущее только русскому характеру и неудобопонятное для разума западнаго европейца. Я надѣюсь доказать, что этотъ взглядъ почти совершенно ошибоченъ. Начать съ того, что протестующая партія въ Россіи никоимъ образомъ не однородна. Члены ея принадлежатъ ко всѣмъ рангамъ, классамъ и сословіямъ русскаго народа и придерживаются всевозможныхъ мнѣній относительно соціальной и политической организаціи, а также и относительно способовъ исправить существующій порядокъ вещей, отъ миролюбивыхъ заявленій въ формѣ коллективныхъ прошеній до террористической дѣятельности въ видѣ бросанія бомбъ и убійства. Связующее ихъ звѣно лежитъ въ общемъ убѣжденіи, что существующій порядокъ сталъ невыносимъ и долженъ быть преобразованъ. Затѣмъ въ Россіи не существуетъ такой партіи протеста, къ которой бы терминъ „нигилистической" могъ быть приложенъ въ собственномъ значеніи слова. Такое утвержденіе можетъ показаться парадоксальнымъ въ виду того, что мы ни о какой другой партіи протеста въ Россіи не слыхивали, но тѣмъ не менѣе оно несомнѣнно. Въ имперіи нѣтъ такой партіи, которая бы обдуманно избрала насиліе и кровопролитіе, какъ наилучшее средство достиженія цѣли; стремилась бы только къ ниспроверженію существующихъ учрежденій и проповѣдовала и практиковала бы философію отрицанія и разрушенія. Утверждаю это смѣло, потому что мое знакомство съ такъ называемыми нигилистами вѣроятно болѣе обширно и коротко, чѣмъ какого бы то ни было другого иностранца, и я не одну сотню часовъ провелъ съ ними

въ обсужденіи этихъ вопросовъ. Либераловъ, реформаторовъ, соціалистовъ, революціонеровъ и террористовъ я встрѣчалъ во всѣхъ видахъ, какъ въ европейской Россіи, такъ и въ сибирской ссылкѣ, но нигилистовъ, въ придаваемомъ этому слову смыслѣ—никогда и нигдѣ. Конечно, вы можете употребить названіе „нигилисты“ для наименованія извѣстной соціальной или политической партіи въ томъ смыслѣ какъ вы могли бы назвать этимъ словомъ, напримѣръ, „Рыцарей труда,“ но если бы вы захотѣли употребить этотъ терминъ въ прямомъ смыслѣ, какъ напр. говоря объ апельсинѣ, вы подразумѣваете, что онъ желтый, то онъ непримѣнимъ ни къ одной вѣтви партіи протеста въ Россіи. Нѣтъ въ Россіи ни такой партіи, ни организаціи, ни даже кучки людей.

Слово нигилисты введено въ Россіи Тургеневымъ, употребившимъ его въ своемъ романѣ „Отцы и Дѣти“ для обрисовки извѣстнаго типа, появившагося тогда въ рядахъ поднимавшагося поколѣнія и рѣзко рознившагося съ характеромъ типа предшествовавшаго поколѣнія. Въ примѣненіи къ Базарову, этому скептику и матерьялисту, Тургеневъ выразилъ въ своемъ романѣ подъ словомъ нигилистъ — извѣстныя качества, которыя и были признаны русскою публикой за этой кличкой. Публика разногласила о томъ, почему являются въ дѣйствительной жизни народа типы людей, представителемъ которыхъ былъ Базаровъ, но всѣ соглашались, что это наименованіе вполнѣ подходитъ къ данному типу. Скоро, однако, консерваторы и правительство подхватили слово нигилистъ и стали примѣнять его какъ позорную кличку безъ различія ко всякому, кого не удовлетворялъ существующій порядокъ вещей и кто старался какимъ нибудь дѣятельнымъ способомъ добиться перемѣны въ соціальной и политической организаціи Рос-

сіи. Можетъ быть, къ нѣкоторымъ изъ реформаторовъ, борцовъ и крайнихъ теоретиковъ это названіе и шло, какъ напр. Бакунину съ его послѣдователями, и сами они не отрекались отъ него, принимая его какъ кличку, ясно выражающую ихъ оппозицію ко всякимъ формамъ власти, основаннымъ на силѣ. Къ огромной же массѣ русскихъ недовольныхъ ни тогда, ни теперь эта кличка примѣнима быть не можетъ. Повторяя безпрестанно это прозвище русское правительство и консерваторы стали обзывать имъ всѣхъ враждебныхъ имъ людей, начиная отъ террориста, бросающаго бомбу подъ карету царя, до миролюбиваго и непокидающаго законную почву земскаго гласнаго, почтительно просящаго позволенія подать прошеніе правительству съ указаніемъ на притѣсненія. Трудно было бы найти другой подобный моментъ въ исторіи, когда такое неподходящее прозвище было навязано разнородной массѣ гражданъ, не оправдывающей его своими стремленіями и поступками.

Болѣе всего были обижены этою кличкой и менѣе всего заслуживали ее — русскіе либералы — тѣ члены партіи протеста, которые желаютъ добиться реформъ мирнымъ и законнымъ путемъ. Если съ точки зрѣнія правительства нужно называть нигилистами заговорщиковъ въ родѣ Нечаева или цареубійцъ подобныхъ Рысакову, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія и смысла обзывать этимъ наименованіемъ — профессора, не сочувствующаго инквизиторскимъ порядкамъ новаго университетскаго устава, редактора, непризнающаго за правительствомъ права ссылать людей въ Сибирь безъ суда, или земскаго гласнаго, убѣждающаго своихъ товарищей внести въ просьбу къ царю вопросъ о конституціи. Такіе люди не нигилисты и не революціонеры; это миролюбивые, не выходящіе изъ закон-

ности граждане, ревнующіе о лучшей формѣ правленія; а теперь эти люди лишаются своихъ офиціальныхъ мѣстъ, арестуются безъ достаточнаго повода, ссылаются безъ судебнаго разбирательства и въ концѣ концовъ выставляются на показъ всему міру какъ нигилисты и враги общественнаго порядка. (Считаю необходимымъ замѣтить, что все сказанное здѣсь не есть неопредѣленное и голословное утвержденіе: я могу указать на примѣръ очень извѣстнаго профессора Московскаго университета, не называя его по имени, потому что онъ не сосланъ; на примѣръ К. М. Станюковича, редактора журнала „Дѣло,“ сосланнаго въ городъ Томскъ, на И. И. Петрункевича, мирового судью и гласнаго Черниговскаго земства, высланнаго въ одну изъ сѣверныхъ губерній Европейской Россіи. Все это умѣренные либералы, подвергнутые наказанію безъ суда и слѣдствія.)—Я не хочу сказать, что правительство офиціально и формально клеймитъ этотъ разрядъ своихъ оппонентовъ произвищемъ нигилистовъ или серьезно прилагаетъ его къ нимъ, а только разумѣю, что русская консервативная партія и правительство употребляютъ слово нигилистъ такъ настойчиво и безразлично для характеристики всѣхъ недовольныхъ ими, что и весь свѣтъ сталъ вслѣдъ за ними приписывать его всѣмъ, принадлежащимъ къ партіи протеста, утративъ впослѣдствіи этого понятіе о коренномъ различіи, существующемъ между разными группами недовольныхъ.

Мое намѣреніе заключается въ томъ, чтобы изобразить коротко въ этой статьѣ положеніе, которое заняла относительно правительства эта мирная и ненарушающая законности отрасль русской партіи протеста и привести мнѣніе либераловъ, высказанныя ихъ собственными словами, о существующемъ порядкѣ вещей въ Россіи и о томъ, какія

мѣры слѣдовало бы принять, чтобы положить конецъ гнету, съ одной стороны, и насильственнымъ и ненормальнымъ формамъ протеста, съ другой. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію мнѣній и дѣйствій русскихъ либераловъ, сдѣлаемъ бѣглый очеркъ условій, вызвавшихъ появленіе партіи протеста и также характера тѣхъ злоупотребленій и несправедливостей, противъ которыхъ протестъ былъ направленъ. Конечно это описаніе выйдетъ краткимъ и недостаточнымъ, но читатель, надѣюсь, пойметъ, что оно не претендуетъ на полное изученіе почвы или современнаго періода русской исторіи; цѣль его скорѣе представить факты необходимые для выясненія понятія о русскихъ либералахъ.

Между 1861 и 1868 годами русское правительство, несомнѣнно одушевленное искреннимъ желаніемъ содѣйствовать прогрессу государства, предприняло рядъ широкихъ и достижимыхъ реформъ, каковы освобожденіе рабовъ, дарованіе большей свободы печати, реорганизація судовъ и введеніе мѣстнаго самоуправленія при помощи выборнаго земства. Если бы эти реформы были исполнены въ томъ либеральномъ духѣ, въ какомъ были задуманы, то онѣ благотворно оживили бы всѣ стороны русской политической и общественной жизни, облегчили бы многоразличными путями бремя, гнетущее всѣ классы страны, наконецъ, временно удовлетворили бы растущія требованія большей свободы мысли, слова и дѣйствій и спасли бы государство отъ продолжительной, истощающей и разрушительной роволюціонной борьбы. Но, къ несчастію, правительство скоро утратило вѣру въ собственные проэкты реформъ, испугалось независимаго положенія, принятаго нѣкоторыми земствами и стало опасаться, что либеральное движеніе, если не обуздать его, можетъ перейти за пред-

положенныя для него границы и ускользнуть отъ правительственнаго контроля. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать далѣе неуклонно и сознательно по пути реформъ, выказывая довѣріе къ здравому смыслу, патріотизму и контролю населенія, правительство начало съуживать, урѣзывать и отнимать права и привиллегіи, которыя уже даровало. При помощи министерскихъ циркуляровъ и конфиденціальныхъ распоряженій губернаторамъ, оно ограничило свободу обсужденія въ земствахъ, снова наложило гнетъ на освобожденную печать, исключило цѣлые разряды важныхъ процессовъ изъ юрисдикціи реорганизованныхъ судовъ, отняло у частныхъ собраній право обсужденія политическихъ вопросовъ, арестовывало лицъ, собиравшихся для разработки задачъ, внесенныхъ въ русскую жизнь сдѣланными реформами и безчисленными способами оскорбляло и приводило въ отчаяніе либеральные элементы, которые хотѣли участвовать въ дѣлѣ реформъ, реорганизаціи и возрожденія предпринятыхъ самимъ правительствомъ. Результатомъ этой реакціонной политики вскорѣ явилось общее неудовлетвореніе, выразившееся вначалѣ въ опасеніяхъ, которое затѣмъ приняло форму опредѣленной оппозиціи и наконецъ перешло въ открытое неповиновеніе. Все это повело къ репрессивнымъ мѣрамъ чрезмѣрной строгости, только усилившимъ общее возбужденіе; наконецъ болѣе молодые и впечатлительные члены либеральной партіи, сознавая свое безсиліе достичь открытыми и законными путями предположенной цѣли и убѣдившись, что правительство никогда не было искренно въ своихъ либеральныхъ начинаніяхъ, рѣшились идти самостоятельно, собственной дорогой, организовавъ во всѣхъ большихъ городахъ тайные кружки, названные ими „кружками для самообразованія." Это были ассоціаціи пылкихъ молодыхъ

либераловъ, сходившихся въ частныхъ домахъ, чтобы потолковать о своихъ разочарованіяхъ и о способахъ улучшить положеніе народа; по мѣрѣ того какъ ихъ начинало преслѣдовать правительство, кружки эти стали преобразовываться въ тайные центры революціонной дѣятельности.

Около этого времени начался замѣчательный, стремительный, великодушный, но не лишенный донкихотства, либеральный крестовый походъ, извѣстный подъ именемъ „хожденія въ народъ“. Тысячи образованныхъ молодыхъ людей, воспламененные желаніемъ чѣмъ нибудь загладить грѣхи своихъ отцовъ по отношенію къ ихъ прежнимъ рабамъ и охваченные состраданіемъ къ бѣдности и невѣжеству этихъ послѣднихъ, двинулись въ деревни, въ предмѣстья большихъ городовъ, на фабрики и заводы, всюду гдѣ работалъ и страдалъ простой народъ, чтобы силою сочувствія, содѣйствія и обученія попытаться помочь и возвысить тѣхъ мужчинъ и женщинъ, которыхъ отцы ихъ обирали, продавали и били. Сотни молодыхъ благовоспитанныхъ женщинъ и дѣвушекъ съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ, столь свойственнымъ русскому характеру, покинули свои дома и семьи, облекшись въ грубую крестьянскую одежду, пошли въ глухія, отдаленныя деревушки и въ качествѣ школьныхъ учительницъ, акушерокъ и работницъ, стали дѣлить тяжелую, прозаическую жизнь простого народа, работать и страдать съ нимъ и нести его бремя, съ цѣлью научиться какъ лучше помочь ему впослѣдствіи. Софья Перовская, бывшая въ числѣ 5-ти цареубійцъ, повѣшенныхъ въ 1881 году въ Петербургѣ, начала свою карьеру съ этого рода миссіонерской дѣятельности; Вѣра Филипова, составившая планъ убійства генерала Стрѣльникова и умершая недавно отъ чахотки въ Шлиссельбургской крѣпости, также принадлежитъ къ кру-

гу героическихъ женщинъ, ходившихъ въ народъ. Ковалевская, отбывшая каторгу въ Восточной Сибири, была сельской учительницей; Анна Ивановна Корба, умирающая теперь на карійской каторгѣ, была сестрою милосердія „Краснаго Креста“ и казначеемъ мѣстнаго благотворительнаго общества, прежде чѣмъ сдѣлалась членомъ „нигилистическаго“ грознаго исполнительнаго комитета. Сотни другихъ женщинъ со страстнымъ самоотверженіемъ и преданностью отдались дѣлу образованія и помощи низшихъ классовъ.

Нѣчто подобное происходило и у насъ въ Америкѣ вскорѣ по окончаніи междоусобной войны, когда богатыя и образованныя молодыя женщины изъ Новой Англіи стали искать мѣстъ учительницъ въ негритянскихъ школахъ; но это движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ никогда не было такъ эпидемично и не отличалось тѣмъ беззавѣтнымъ, героическимъ самоотверженіемъ, которое украшаетъ собою много тайныхъ страницъ русской исторіи.

Конечно кружки самообразованія и небывалое движеніе молодежи въ народъ не ускользнуло отъ бдительнаго вниманія правительства. Оно посмотрѣло на то и другое и, можетъ быть, не безъ основанія, какъ на приготовленіе къ мятежу и приняло мѣры къ прекращенію того, что называлось тайной революціонной пропагандой. „Кружки самообразованія“ были сокрушены; всѣ заподозрѣнныя въ неблагонамѣренности лица были отданы подъ строгій полицейскій надзоръ или высланы въ дальнія губерніи; отъ всѣхъ найденныхъ въ деревняхъ образованныхъ молодыхъ людей обоего пола потребовали объясненія о причинахъ ихъ пребыванія тамъ; болѣе дѣятельные противники правительства были высланы административнымъ порядкомъ въ Сибирь; аресты происходили сотнями въ Петербургѣ,

Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ и во всѣхъ большихъ городахъ имперіи. Между тѣмъ чувство раздраженія все усиливалось и революціонное движеніе становилось все грознѣе, несмотря на возрастающую строгость правительства, такъ что подъ конецъ тюрьмы были буквально набиты политическими преступниками, по большей части принадлежавшими къ образованной молодежи. Жестокое обращеніе съ этими заключенными, а также и согласными въ Сибирь, на которыхъ ихъ товарищи-революціонеры смотрѣли какъ на мучениковъ за свободу, наконецъ вызвали возмездіе и въ 1878 г. шефъ жандармовъ, генералъ Мезенцевъ, былъ убитъ въ Петербургѣ на улицѣ, а оберъ-полицмейстеръ столицы, генералъ Треповъ былъ раненъ Вѣрой Засуличъ за приказаніе высѣчь политическаго преступника по имени Боголюбова.

Въ теченіе этого времени русскіе либералы, не принадлежавшіе къ революціонерамъ, употребляли съ одной стороны, всѣ усилія, чтобы отвратить послѣднихъ отъ насилій, а съ другой, чтобы помогать имъ укрывательствомъ или помощью при судебныхъ процессахъ. Но въ обоихъ направленіяхъ ихъ усилія не были особенно успѣшны. Революціонеры доказывали, что время миролюбивыхъ заявленій прошло и считали дальнѣйшія разсужденія по этому поводу безполезными, и въ подтвержденіе ссылались на то, что правительство отвергаетъ посредничество либераловъ, какъ дерзость, если не какъ выраженіе сочувствія къ отъявленнымъ врагамъ государства.

Таково было положеніе дѣлъ въ 1878 г., когда первыя политическія убійства показали, что революціонная партія приняла политику террора. Либералы, предвидя, что такая политика рано или поздно навѣрное приведетъ къ убійству царя, и сознавая, что послѣдующая за такимъ пре-

ступленіемъ реакція можетъ быть не только ужасной, но и роковой для дѣла свободы, рѣшились сдѣлать новое усиліе, чтобы добиться отъ правительства признанія бѣдствій и злоупотребленій, вызвавшихъ революціонеровъ на ихъ жестокій протестъ, и въ тоже время—обѣщанія вернуться на путь либеральныхъ принциповъ 1861—1866 г. Чтобы придать этой попыткѣ нѣкоторые шансы на успѣхъ, было, очевидно, необходимо содѣйствовать по крайней мѣрѣ временному прекращенію разрушительной дѣятельности крайней революціонной партіи. Нельзя было ничего достигнуть мирными способами, если террористы стали бы продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилія. Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ выдающихся черниговскихъ и харьковскихъ либераловъ, въ томъ числѣ профессоръ Гордѣенко (городской голова Харькова) и г. Петрункевичъ (предсѣдатель мирового съѣзда и гласный черниговскаго земства) рѣшились вступить въ сношенія съ террористами, указать имъ на скользкость пути, на который они вступили и на бѣдствія, могущія послѣдовать для Россіи отъ ихъ отчаянной и необдуманной политики убійствъ и узнать отъ нихъ, на какихъ условіяхъ согласятся они прекратить свои насильственныя дѣйствія. Преслѣдуя такую цѣль, либеральный комитетъ, составленный изъ представителей многихъ земствъ центральной и южной Россіи, предпринялъ нѣсколько поѣздокъ въ разныя части имперіи и имѣлъ личные переговоры со многими вожаками крайней революціонной партіи. Комитетъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Мы думаемъ достигнуть реформъ мирнымъ и легальнымъ путемъ и хотимъ сдѣлать попытку въ этомъ направленіи, но заранѣе увѣрены встрѣтить неудачу, если вы будете продолжать политическія убійства. Мы нарочно

пріѣхали къ вамъ, чтобы просить пріостановить на время вашу дѣятельность и предоставить намъ возможность дѣйствовать. Если же наши надежды на разумные и законные способы не увѣнчаются успѣхомъ, а вы все-таки вѣрите въ дѣйствительность вашей террористической политики, тогда дѣйствуйте на вашъ собственный страхъ; мы будемъ и тогда неодобрять вашу насильственную дѣятельность и сожалѣть о ней, но потеряемъ право возставать противъ нея; дайте только намъ сначала безъ помѣхи испытать наши средства.“

Террористы отвѣчали, что они избрали свой образъ дѣйствій не по доброй волѣ, а были вынуждены къ нему правительствомъ, преградившимъ имъ всѣ другіе выходы изъ абсолютно невозможнаго положенія; что они охотно готовы выслушать голосъ разсудка и торжественно обѣщаютъ не совершать болѣе никакихъ насилій, если правительство выкажетъ расположеніе согласиться на три условія, а именно: 1) устранить существующія стѣсненія свободы слова и печати 2) гарантировать права личности противъ капризныхъ, незаконныхъ и несоотвѣтственныхъ поступковъ исполнительныхъ властей и 3) призвать тѣмъ или другимъ способомъ населеніе къ участію въ управленіи. Вотъ тѣ требованія, по ихъ словамъ, за которыя они борются, и если правительство удовлетворитъ ихъ, то партія совершенно откажется отъ всякихъ актовъ насилія и „займетъ выжидательное положеніе.“

Члены либеральнаго комитета вернулись домой и открыли совѣщанія со своими единомышленными товарищами о лучшемъ способѣ привести свой планъ въ исполненіе. Единственный базисъ, на который они могли опираться, былъ тотъ, который давался самымъ учрежденіемъ земства, такъ какъ они, будучи членами закономъ утвержденной

корпораціи, были признаны правительствомъ въ качествѣ уполномоченныхъ населенія, а потому было рѣшено подать одновременно отъ лица земствъ петиціи царю съ указаніемъ на бѣдственное положеніе населенія и просьбой о введеніи конституціонной формы правленія.

Первая поданная петиція принадлежала харьковскому земству, которое, съумѣвъ ранѣе другихъ прійти къ соглашенію, встало по этому во главѣ. Хотя адресъ этотъ и не представляетъ желательной ясности въ изложеніи и формулировкѣ требованій, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ тотчасъ же разослалъ циркуляры предводителямъ дворянства, предсѣдательствующимъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, предписывая имъ не дозволять представленія петицій безъ предварительнаго представленія ихъ на просмотръ предводителямъ дворянства и вообще не разрѣшать прошеній въ родѣ харьковскаго. Затѣмъ послѣдовалъ адресъ черниговскаго земства; онъ былъ очень почтителенъ по формѣ и тону, но очень смѣлъ по мысли. Въ немъ прямо говорилось, что правительство само виновато въ революціонномъ движеніи, потому что никогда не исполняло добросовѣстно своихъ собственныхъ законовъ, что постояннымъ нарушеніемъ законовъ и употребленіемъ административной власти для достиженія противузаконныхъ цѣлей, оно поколебало въ населеніи уваженіе къ закону и такимъ образомъ приготовило почву для всевозможныхъ анархическихъ ученій, что нѣтъ реформы, которую оно, даровавъ, не поспѣшило бы тотчасъ же исказить или уничтожить административными поправками и ограниченіями, что оно лишило русское общество всякой возможности выражать свое мнѣніе, не только путемъ печати и публичныхъ сходокъ, но даже чрезъ посредство земскихъ

собраній, и, наконецъ, что единственный путь для успѣшной борьбы съ революціею и анархіею заключается въ созданіи новыхъ формальныхъ формъ, въ принятіи конституціи, которая ограничила бы противузаконную дѣятельность не только тѣхъ или другихъ лицъ, но отчасти и самого правительства.

Въ публичномъ собраніи всѣхъ гласныхъ черниговскаго земства этотъ смѣлый адрессъ былъ принятъ почти единогласно, за исключеніемъ двухъ голосовъ, и переданъ г. Петрункевичу для формальнаго предъявленія очередному засѣданію на слѣдующій день. Такимъ образомъ Петрункевичъ представилъ адресъ на одобреніе предсѣдателя собранія, согласно недавнему министерскому циркуляру. Предсѣдатель по прочтеніи его сказалъ: „я не могу позволить вамъ предложить этотъ адресъ собранію“ — почему? спросилъ Петрункевичъ. — „Потому что это запрещено.“ — Можете ли вы указать мнѣ на законъ, который бы зипрещалъ гласному предлагать собранію, котораго онъ состоитъ членомъ, совершенно почтительную петицію престолу?“ — „Закона нѣтъ, возразилъ предсѣдатель, но я имѣю предписаніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, которое для меня имѣетъ всю силу закона, и я обязанъ ему повиноваться.“ — „Если вы не можете предъявить мнѣ закона, сказалъ Петрункевичъ, то я буду дѣйствовать на основаніи моего законнаго права и предложу эту петицію завтрашнему собранію, если только мнѣ не помѣшаютъ силой.“ — Хорошо, отвѣчалъ предводитель, въ такомъ случаѣ я приму свои мѣры.“

Явившись на слѣдующее утро въ собраніе, Петрункевичъ узналъ, что публикѣ запрещено присутствовать на засѣданіи; у дверей стояли жандармы, не пропускавшіе пикого кромѣ гласныхъ, въ самой залѣ тоже были постав-

лены жандармы. Когда засѣданіе открылось, многіе члены встали и протестовали противъ присутствія въ залѣ жандармовъ, указывая на это какъ на угрозу и оскорбленіе совѣщательнаго собранія. Предсѣдатель заявилъ, что жандармы поставлены по приказанію губернатора. Среди общаго возбужденія и замѣшательства поднялся Петрункевичъ, чтобы предложить адресъ, почти единогласно принятый гласными наканунѣ на частномъ засѣданіи. Предсѣдатель не позволилъ ни читать адреса, ни обсуждать его; а когда Петрункевичъ продолжалъ настаивать, чтобы ему данъ былъ формальный ходъ, то предводитель объявилъ засѣданіе закрытымъ, и зала была очищена жандармами. Однако гласные успѣли снять копіи съ своего адреса и разослали его по всѣмъ земствамъ имперіи, и нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ — 8 или 10, въ точности не упомню, послѣдовали примѣру черниговскаго и харьковскаго земствъ, составивъ заявленія и попытавшись дать имъ ходъ. Но всѣ ихъ усилія оказались безуспѣшны, вслѣдствіе министерскихъ запрещеній, подкрѣпленныхъ жандармами, и наконецъ покушеніе Соловьева на жизнь царя $^{2}/_{14}$ апрѣля положило предѣлъ всѣмъ этого рода агитаціямъ. Снова наступилъ періодъ тревогъ, агитаціи и репрессій; военное положеніе было объявлено въ большей части Европейской Россіи, а наказанія, аресты и ссылки безъ разбору всѣхъ лицъ, осмѣливавшихся возражать или протестовать, снова наложили печать молчанія на русское общество. Петрункевичъ и другіе черниговскіе и харьковскіе гласные были арестованы и сосланы административно и, выражаясь слогомъ офиціальныхъ донесеній, „порядокъ былъ возстановленъ въ губерніяхъ, обнаруживавшихъ броженіе.“

Таковъ былъ исходъ этой вторичной попытки русскихъ

либераловъ прекратить насилія и кровопролитія и мирными способами добиться для страны тѣхъ реформъ, которыхъ просила вся партія протеста. Изъ вождей этого умѣреннаго, отважнаго, патріотическаго дѣла теперь только двое остались въ живыхъ, и одинъ изъ нихъ находится въ ссылкѣ, а другой сошелъ съума.

Мы не станемъ пересказывать исторіи ожесточенной борьбы террористовъ съ полиціей и жандармами въ 1879 и первой половинѣ 1880 года. Либералы не принимали участія въ ней и выступили на сцену снова только послѣ того какъ царь, убѣдившись, что одними репрессивными мѣрами нельзя одолѣть вулканическихъ соціальныхъ силъ, учредилъ „Высшую Исполнительную Коммиссію,“ поставивъ во главѣ ея генерала Лорисъ-Меликова, сочувствовавшаго той вѣтви партіи протеста, которая искала законныхъ путей. Либералы рѣшились обратиться къ Лорисъ-Меликову съ новою петиціею, и въ мартѣ 1880 г. 25 именитыхъ московскихъ гражданъ, въ томъ числѣ нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ и пользовавшихся извѣстностью писателей и прочихъ представителей образованнаго класса, составили, подписали и подали новому русскому диктатору длинную и тщательно составленную записку, въ которой въ выраженіяхъ весьма умѣренныхъ, но смѣло и откровенно изложили свои взгляды на истинныя причины золъ, охватившихъ имперію и на мѣры, которыя, по ихъ мнѣнію, могутъ возстановить спокойствіе въ ней. У меня есть копія съ этого документа, полученная отъ одного изъ подписавшихъ его. Чтобы вполнѣ оцѣнить вѣсъ и значеніе этого документа, читатель не долженъ забывать, что это не статья „нигилистической“ газеты, не анонимная прокламація для возбужденія или поощренія бунта, не аффектированное посланіе, имѣющее цѣлью привлечь

къ себѣ вниманіе дома или за границей; но спокойное и умѣренное изложеніе фактовъ и заключеній, написанное въ одинъ изъ критическихъ моментовъ русской исторіи, подписанное многими извѣстными патріотами-гражданами имперіи и лично поданное однимъ изъ нихъ Лорисъ-Меликову съ тѣмъ, чтобы онъ прочелъ его царю. Вотъ ея подлинникъ.

Записка московскихъ либераловъ гр. Лорисъ-Меликову, нач. Высшей Исполнительной Коммиссіи.

„Тягостное положеніе Россіи въ настоящее время происходитъ оттого, что въ русскомъ обществѣ образовалась партія, дѣйствующая весьма неразумно и вступившая въ бурьбу съ правительствомъ при помощи средствъ, которымъ не могутъ сочувствовать благомыслящіе граждане. Эта борьба обнаруживается рядомъ насильственныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ властей. Спрашивается, какъ помочь этой бѣдѣ?

Прежде, чѣмъ дать отвѣтъ, надо раскрыть истинныя причины зла. Цѣль настоящей записки показать:

Во 1), что главная причина, почему борьба съ правительствомъ приняла такую форму, заключается въ отсутствіи у насъ условій для свободнаго развитія общественнаго мнѣнія и свободнаго приложенія общественной дѣятельности.

Во 2), что зло не можетъ быть вырвано съ корнемъ одними репрсссивными мѣрами.

Въ 3), что существующія общественныя условія, при которыхъ самыя настоятельныя нужды населенія остаются неудовлетворенными, развиваютъ общее недовольство, ко-

торое за отсутствіемъ средствъ для свободнаго выраженія, неизбѣжно выражается въ насильственныхъ формахъ.

Въ 4), что причины, поддерживающія это обще-распространенное недовольство, не могутъ быть устранены одними административными мѣрами, но требуютъ дружнаго содѣйствія всѣхъ жизненныхъ силъ общества.

I.

Противуестественная форма, въ которую вылилась борьба съ правительствомъ, зависитъ отъ отсутствія всякихъ путей для свободнаго и нормальнаго выраженія общественнаго недовольства. Путь печати для него закрытъ, съ тѣхъ поръ какъ она крайне стѣснена въ обсужденіи правительственной дѣятельности и это стѣсненіе подкрѣпляется предостереженіями, прекращеніями изданій и цѣлымъ рядомъ тяжкихъ каръ въ видѣ запрещенія розничной продажи, печатанія объявленій, въ конецъ сокрушающихъ печать. Вопросы первостепенной важности прямо изъемлются цензорами изъ области газетныхъ обсужденій, въ тотъ самый моментъ, когда они болѣе всего интересуютъ общество. Не далѣе прошлаго года такое запрещеніе коснулось вопроса педагогіи, именно — классической системы образованія и новыхъ университетскихъ законовъ. *) Та-

*) Американскому читателю покажется страннымъ, что русское правительство не допускаетъ обсужденія такихъ вопросовъ, каковъ вопросъ о классическомъ или реальномъ образованіи; но надо помнить, что реальное образованіе, по мнѣнію русскихъ цензоровъ, *возбуждаетъ* умы, т. е. побуждаетъ ихъ мыслить, изслѣдовать, дѣлать опыты; тогда какъ изученіе мертвыхъ языковъ не имѣетъ этого вреднаго вліянія, почему классическая система покровительствуется правительствомъ, а противоположная — преслѣдуется. Такія сочиненія какъ: «Воспитаніе» Г. Спенсера и «Культура настоящаго времени»—Юманса были изъяты изъ всѣхъ русскихъ публичныхъ библіотекъ.

кая важная реформа, какъ университетская обсуждалась секретно и хранилась втайнѣ отъ общества. Много есть такихъ вопросовъ, о которыхъ печати разрѣшается говорить съ особенною осмотрительностью, что на языкѣ цензоровъ почти равносильно полному запрещенію. Газетамъ не дозволяютъ даже сообщать факты непріятные для правительственныхъ органовъ. Газета „Голосъ“ напр. недавно была лишена права на мѣсяцъ печатать объявленія за то, что сообщила о незаконномъ заключеніи въ тюрьму раскольничьихъ архіереевъ. Понятно, что при этомъ печать должна или молчать или лицемѣрить, или прибѣгать къ аллегорическому языку, а этотъ языкъ деморализуетъ литературу и часто напрасно волнуетъ общественное мнѣніе: съ одной стороны читатели всегда ищутъ истиннаго мнѣнія писателя въ междустрочіяхъ, а съ другой — никогда не вѣрятъ газемнымъ восхваленіямъ правительства, приписывая ихъ лицемѣрію. Свободой печати пользуются только представители крайнихъ мнѣній, каковы съ одной стороны „Московскія Вѣдомости,“ а съ другой подпольныя изданія.

Другой поводъ для развитія революціонной дѣятельности лежитъ въ вынужденномъ молчаніи Земствъ. Примѣры Полтавскаго, Черниговскаго и другихъ земскихъ собраній 1879 г. показываютъ, что голоса народныхъ выборныхъ тотчасъ же задушаются, какъ только они рѣшатся обратиться къ правительству съ совѣтомъ. Земства все болѣе и болѣе лишаются довѣрія власти, которая, стараясь опираться на бюрократію, безпрестанно поручаетъ разсмотрѣнію присутствій по крестьянскимъ дѣламъ вопросы, подлежащіе рѣшенію земства. Правительство создало уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ и ставитъ этихъ общественныхъ выборныхъ подъ надзоръ предсѣдателя не ими избраннаго, въ лицѣ предводителей дворянства, многіе изъ которыхъ

служатъ только ради чиновъ или въ расчетѣ на административную карьеру.

Правительство часто относится съ презрительнымъ невниманіемъ къ ходатайствамъ самымъ законнымъ и уважительнымъ. Изъ протоколовъ земскихъ собраній видно, что множество такихъ ходатайствъ не удостоилось даже отвѣта. Съ такимъ же пренебреженіемъ относится оно и къ печати. Газеты и журналы нерѣдко высказывали по разнымъ вопросамъ внутренняго управленія мнѣнія опредѣленныя, основанныя на точныхъ научныхъ данныхъ, но ихъ заключенія никогда не удостоивались вниманія. Примѣромъ этого можетъ послужить вопросъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ. Когда въ 1878 году эти тарифы были обнародованы, печать настоятельно указывала на ихъ неравномѣрность и обременительность, и они все-таки были приняты какъ бы для того только, чтобы въ скоромъ времени оправдать всѣ предсказанія печати. Вообще правительство не даетъ никакого значенія точнымъ изслѣдованіямъ ученыхъ, и это особенно замѣтно на вопросахъ экономическаго и финансоваго законодательства, менѣе всего доступныхъ бюрократическимъ методамъ рѣшенія.

Какъ результатъ вышеизложеннаго является общее впечатлѣніе, что правительство не желаетъ слышать голоса народа, не выноситъ правдивой критики своихъ ошибокъ, пренебрегаетъ мнѣніями компетентныхъ людей и преслѣдуетъ только собственныя цѣли, не совпадающія съ нуждами населенія. Вслѣдствіе этого широко распространилось мнѣніе объ антагонизмѣ населенія съ органами правительства, и тутъ взглядъ образованнаго общества замѣчательно сходится съ взглядами простого народа. Крестьянинъ почитаетъ царя, какъ Бога, но не вѣритъ въ чиновниковъ, которые, по его наивному выраженію, „кругомъ обошли

царя.“ Точно такъ же и образованные классы, глубоко почитая монарха, видятъ въ отдѣленномъ отъ народа бюрократическомъ механизмѣ корень существующаго зла. Замѣчается отсутствіе довѣрія къ правительству, и это довѣріе не возродится, пока администрація будетъ обнаруживать недостатокъ знаній, нравственной силы и какого нибудь идеала. Ничто такъ не унижаетъ и не раздражаетъ общество, какъ сознаніе, что оно находится въ подчиненіи у людей, не внушающихъ ни уваженія, ни довѣрія, и потому, всѣ попытки власти возстановить свой авторитетъ будутъ безуспѣшны, хотя бы она и стала утверждать, какъ это и дѣлаютъ ея офиціальные органы, что порицанія, направленныя противъ нихъ—суть порицанія самой императорской власти. Подобная софистическая уловка ясна для самаго ограниченнаго разума и только усиливаетъ раздраженіе.

Насильственное подавленіе недовольства вредно еще и въ другомъ отношеніи. Оно пріучаетъ населеніе скрывать свои мнѣнія, лелѣять ихъ втайнѣ и снисходительно смотрѣть, если кто нибудь станетъ осуществлять ихъ и нелегальными способами. Такъ создается одно изъ важнѣйшихъ условій пропаганды духа мятежа. Чувство преданности престолу слабѣетъ въ тѣхъ, кто при иныхъ условіяхъ гнушался бы мятежемъ. Въ организованномъ обществѣ нельзя игнорировать ни мысли ищущей свободы выраженія, ни практической энергіи, отыскивающей поля до своего примѣненія. Чѣмъ эти импульсы строже стѣсняются въ своихъ легальныхъ формахъ, тѣмъ быстрѣе они принимаютъ нелегальный характеръ. Наружно это выражается отсутствіемъ гармоніи между стремленіями общества и предначертаніями правящей власти, а болѣе серьезно и заразительно — въ формѣ незаконныхъ протестовъ. Если обще-

ство не можетъ заявлять власти о своихъ нуждахъ публично, то болѣе энергическіе члены его страстно набросятся на тайную дѣятельность и утратятъ привычку достигать цѣлей разумными способами. Вначалѣ это движеніе охватитъ самыя пылкія головы, но впослѣдствіи должно будетъ проникнуть и въ болѣе низменные слои, такъ какъ послѣдніе не находятъ поприща для выработки въ себѣ лучшихъ.

II.

Въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, что зло можетъ быть искоренено одними репрессивными мѣрами. Многіе думаютъ, что пока слѣдуетъ сосредоточиться исключительно на этихъ мѣрахъ, а когда онѣ приведутъ къ желаемымъ результатамъ, то время не уйдетъ для дальнѣйшаго развитія общественной жизни. Но одними репрессіями никакой недугъ не можетъ быть излѣченъ. Мало того, репрессивныя мѣры не только не излѣчатъ существующаго зла, но еще создадутъ новое зло въ лицѣ неизбѣжнаго ихъ спутника — административнаго произвола. Возможно, что при данныхъ условіяхъ общество вынуждено будетъ примириться съ безконтрольнымъ отправленіемъ власти высшихъ чиновъ; но произволъ вверху порождаетъ и произволъ снизу. Каждый исправникъ, становой, урядникъ или жандармъ имѣютъ свои планы спасенія государства и при осуществленіи ихъ ставятъ себя выше законовъ и учрежденій. Такимъ образомъ правительство разрушаетъ одной рукой то, что создаетъ другой и окончательно подрываетъ уваженіе къ власти, показывая публикѣ примѣръ своего безсилія передъ своими собственными агентами. Сверхъ того власть, дающая себѣ право произвольно преслѣдовать всякаго, расчищаетъ дорогу лозунгу: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ,“ чрезвычайно

опасному въ рукахъ правительства, такъ какъ онъ причисляетъ къ врагамъ государства людей въ сущности мирныхъ и полезныхъ только потому, что они не довѣряютъ администраціи. Недавно была наброшена тѣнь, безо всякаго серьезнаго повода на лучшіе элементы нашего общества; былъ предпринятъ крестовый походъ противъ образованныхъ классовъ, и вина этого движенія падаетъ на правительство. Казалось, было забыто, что образованный классъ, на который налагалось клеймо, есть продуктъ русской же исторіи, что само правительство, съ Петра Великаго, способствовало созданію этого злополучнаго класса, и до настоящаго времени не переставало поощрять развитіе умственныхъ способностей русскаго общества. Тѣ, которые стремятся вооружить противъ интеллигентныхъ силъ разнузданныя страсти, забываютъ, что страсть есть оружіе обоюду-острое, которое, будучи направлено въ одну сторону, можетъ, подъ вліяніемъ непредвидѣннаго импульса, легко направиться въ сторону противоположную. Къ тому же слѣдуетъ помнить, что поощряя страсти, административный произволъ тѣмъ самымъ подрываетъ чувства законности и безъ того очень слабыя въ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ органы власти къ частымъ пререканіямъ между собой, которыя крайне вредны для процесса оздоровленія народной жизни. Только непоколебимое верховенство закона и можетъ регулировать и дезинфицировать и привести въ гармонію органы административныхъ властей. Но и помимо всего этого гнетомъ нельзя подавить человѣческую мысль. Убѣдительнымъ доказательствомъ этому можетъ служить предшествовавшее царствованіе (съ 1825 по 1855 г.), а также и недавніе годы. Идея народнаго представительства, напр. сдѣлала въ послѣднее время огромный шагъ впередъ и пробила себѣ путь даже

въ самыя глухія губерніи, не смотря на то, что не только публичныя обсужденія, но и частныя бесѣды на эту тему были абсотютно запрещены. За неимѣніемъ свободной печати, идеи эти стали пропагандироваться путемъ устной передачи. Примѣры распространенія такимъ путемъ религіозныхъ ересей слишкомъ уже извѣстны, чтобы о нихъ распространяться; но это же явленіе повторилось теперь и съ идеями политическими. Разумъ человѣческій, подвергнутый стѣсненію, пріобрѣтаетъ особенную остроту и воспріимчивость; онъ ловитъ на лету тончайшіе намеки и поражается явленіями, которыя при другихъ условіяхъ даже и не замѣтилъ бы. Это-то и придаетъ такой вѣсъ изданіямъ подпольной печати. Кому же неизвѣстно какъ быстро потерялъ вліяніе „Колоколъ" и т. п. изданія, когда русской печати была дана сравнительно большая свобода?

При настоящемъ положеніи вещей репрессія не можетъ дать ожидаемыхъ отъ нея результатовъ, такъ какъ ей невозможно найти даже объектовъ для своего примѣненія. Развѣ возможна война, когда нѣтъ въ полѣ непріятеля? При современномъ положеніи оппозиція правительству не исчерпывается дѣяніями немногихъ, извѣстныхъ личностей; она носится въ воздухѣ и таитси въ сердцахъ общества. Можно строгими мѣрами подавить нѣсколькихъ выдающихся лицъ, но на ихъ мѣсто будутъ выдвигаться новые бойцы. Наконецъ репрессія, возбуждая въ странѣ постоянную тревогу своими предостереженіями объ угрожающихъ опасностяхъ и постоянной смѣной чрезвычайныхъ мѣръ, отвлекаетъ вниманіе отъ истинныхъ нуждъ и тормозитъ всѣ стремленія улучшить положенія страны. Вмѣсто того, чтобы мощно идти впередъ, страна живетъ изо дня въ день. Какъ ни смотрѣть на репрессію, какъ на неиз-

бѣжный удѣлъ національной жизни, или только какъ на временную мѣру въ годины возбужденія, она всегда оказывается безсильной дать ожидаемыя отъ нея результаты.

III.

Самую яркую черту современнаго положенія Россіи составляетъ крайнее неудовольствіе на невозможность свободно высказываться. Все образованное общество безъ различія сословій, положенія и убѣжденій, чувствуетъ себя крайне неудовлетвореннымъ и изъ этого чувства и развивается существующая агитація.

Во 1), первая и наиболѣе важная изъ неудовлетворенныхъ потребностей общества есть потребность дѣятельности. Она поощряется и стимулируется умственнымъ движеніемъ, начавшимся въ прошломъ и продолжающемся въ нынѣшнемъ царствованіи. Еще до начала послѣдняго она уже сложилась и въ литературѣ и въ обществѣ въ форму идеала національной жизни, требующаго осуществленія. Идеалъ этотъ имѣлъ въ основѣ неприкосновенность личныхъ правъ, свободу мысли и слова и представительную систему, которая обезпечивала бы все это. Реформы первой половины настоящаго царствованія придали законченность и устойчивость этому идеалу, освятивъ его одобреніемъ сверху. Въ тоже время эти реформы создали новыя соціальныя условія, потребовавшія новыхъ соціальныхъ учрежденій, въ которыхъ этотъ идеалъ даже получилъ практическое примѣненіе. Старый правительственный механизмъ оказался негоднымъ для руководства новыми, сложными силами и могъ дѣйствовать только при свободномъ и независимомъ содѣйствіи общества, регулировавшаго и контролировавшаго его. Вслѣдствіе этого стремленія населенія къ самостоятельному участію въ развитіи національ-

ной жизни получило нѣкоторое примѣненіе и правительство, которое должно было съ ними считаться. Къ сожалѣнію, администрація отнеслась враждебно къ этому соучастію. Въ тотъ моментъ, когда общество, пробужденное съ одной стороны движеніемъ собственной мысли, а съ другой условіями времени стало искать государственной дѣятельности, администрація начала воздвигать ему препятствія на этомъ пути. Если правящій механизмъ въ его существующей формѣ исключаетъ прямое участіе въ правленіи большинства тѣхъ, для кого такое участіе составляетъ первое право и твердое желаніе, то, значитъ, этотъ механизмъ нуждается въ преобразованіи. Правительство же вмѣсто этого только усиливается разрушить учрежденія, которыя способны были бы облегчить это преобразованіе. Русское общество все болѣе и болѣе укрѣпляется въ убѣжденіи, что такое обширное государство, какъ наше съ его сложной соціальной жизнью, не можетъ быть управляемо исключительно чиновниками. Земскія собранія съ каждымъ годомъ образовываютъ все большее и большее число людей, способныхъ къ политической дѣятельности, а между тѣмъ эти собранія систематически притѣсняются. Ихъ постановленія подвергаются цензурѣ губернатора, ихъ право устанавливать налоги для покрытія собственныхъ расходовъ стѣснено, они засѣдаютъ подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства, дисциплинарная власть которыхъ все увеличивается; право завѣдыванія устроенными ими школами отрицается; на ихъ просьбы и ходатайства не обращаютъ вниманія; важные земскіе вопросы рѣшаются помимо ихъ административными „присутствіями,“ и губернаторъ уполномоченъ аттестовать благонамѣренность избранныхъ населеніемъ представителей. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является опасеніе,

что земскія собранія, долженствовавшія быть независимыми органами мѣстнаго самоуправленія, скоро выродятся въ второстепенныя присутствія мѣстной администраціи. Эта система послѣдовательныхъ притѣсненій все-таки не можетъ подавить стремленія общества къ независимой политической дѣятельности, но только внѣдряетъ хроническое недовольство и дѣлаетъ изъ администраціи скорѣе служительницу интересамъ бюрократіи, чѣмъ интересамъ народа.

Во 2), другая потребность общества, въ настоящее время еще менѣе удовлетворенная, есть потребность въ личной безопасности. Необходимыя условія для нормальнаго существованія современныхъ обществъ составляютъ: неприкосновенность жилища, свобода отъ произвольныхъ обысковъ и арестовъ, отвѣтственность правительственныхъ лицъ за незаконное лишеніе свободы и соблюденіе всѣхъ легальныхъ формальностей гласнаго состязательнаго судопроизводства. Общество не можетъ мириться съ административными ограниченіями судебнаго процесса, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ. Административное вмѣшательство всегда создаетъ произволъ; оно показываетъ, что правящая власть не хочетъ сама подчиниться установленнымъ ею законамъ и ищетъ удобнаго случая, чтобы нарушить и нелицепріятіе суда и свободу личностей, съ которыми имѣетъ дѣло. Каковы бы ни были мотивы такого вмѣшательства, оно не имѣетъ оправданія въ глазахъ общества и служитъ лишь къ ослабленію авторитета власти. Нелицепріятіе суда нарушается уничтоженіемъ независимости судей; законы, предписывающіе несмѣняемость послѣднихъ, лишаются всякаго смысла данной администраціи властью перемѣщать судей по своему усмотрѣнію съ одного поста на другой. До чего мало довѣріе къ существующему способу избранія судей и какъ небрежно замѣщаются ва-

кансіи. можно было видѣть изъ недавняго примѣра въ Москвѣ, гдѣ публика шла въ судъ, какъ въ театръ, для забавы надъ невѣжествомъ и шутовствомъ одного судьи, назначеннаго министромъ юстиціи помимо другого кандидата, представленнаго самимъ судомъ. Люди, легко относящіеся къ жизни, потѣшаются надъ такими фактами, но люди болѣе серьезные глубоко ими огорчаются, а въ обоихъ случаяхъ послѣдствіемъ является потеря уваженія къ правительству. Большее число процессовъ совершенно изъято изъ юридикціи даже и этихъ судовъ. Въ почти неограниченной области политическихъ преступленій, гдѣ черты, отдѣляющія дозволенное отъ недозволеннаго, столь измѣнчивы и неуловимы и гдѣ поэтому лишеніе свободы должно бы быть обставлено всевозможными гарантіями, господствуетъ порядокъ вещей, нарушающій всѣ понятія о судопроизводствѣ и состоящій въ прямомъ противорѣчіи съ самыми элементарными принципами справедливости. Воръ и убіица не могутъ быть арестованы и обысканы безъ разрѣшенія правительственнаго лица, отвѣчающаго за свой поступокъ, въ случаѣ жалобы пострадавшаго; въ дѣлахъ же политическихъ существуетъ иной порядокъ. Въ послѣдніе 10 лѣтъ полиція по простому подозрѣнію или ложному доносу, пользовалась правомъ врываться въ дома, вмѣшиваться насильственно въ сферу частной жизни, читать чужія письма, заключать подозрѣваемыхъ въ тюрьмы, держать ихъ тамъ по мѣсяцамъ и, наконецъ, подвергать ихъ инквизиторскимъ допросамъ, не сообщая имъ даже въ чемъ они обвиняются. Не мало такихъ арестованныхъ по ошибкѣ, прошедши черезъ подобныя испытанія, были выпущены на свободу. Въ глазахъ извѣстной части общества и правительства такіе страдальцы не считаются оправданными и возстановленными въ своихъ правахъ, а

— опасными членами общества, отмѣченными печатью неблагонамѣренности. Въ глазахъ же другой части общества они становятся мучениками и даже героями. Часто бываетъ, что жизнь этихъ людей уже разбита навсегда. Гробовая тайна политическихъ процессовъ въ противоположность съ публичностью обыкновенныхъ, безграничная власть тайнаго обвинителя въ противоположность съ строгимъ соблюденіемъ законности при обыкновенномъ судопроизводствѣ, подрываютъ чувство законности и прибавляютъ горючаго матеріала къ раздраженію, пылающему съ сердцахъ не только самихъ преслѣдуемыхъ, но и большей части общества. При отсутствіи законодательства, опредѣляющаго границы политическихъ преступленій и ограничивающаго власть вѣдающихъ ихъ учрежденій, никто изъ лицъ образованнаго класса не можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ политическихъ преслѣдованій и, слѣдовательно, не можетъ отдѣлаться отъ вѣчнаго присущаго, унизительнаго и раздражающаго сознанія, что онъ рѣшительно безправенъ.

Еще болѣе произвольна система административной высылки безъ судебнаго разбирательства, которая особенно широко практиковалась за эти послѣдніе 5 лѣтъ. Такъ какъ духъ закона и основные принципы справедливости не допускаютъ наложенія наказанія безъ суда, то сотни а иногда и тысячи лицъ ежегодно подвергаются самому тяжкому наказанію, какому только можетъ подвергнуться образованный человѣкъ, а именно — удаленію изъ своего мѣстожительства и отъ друзей, единственно въ силу административнаго распоряженія, ни на чемъ не основаннаго. Высланныя такимъ образомъ лица даже не знаютъ, какъ долго продлится ихъ наказаніе и этимъ лишаются даже утѣшенія, въ которомъ не отказывается и уголовному пре-

ступнику, такъ какъ послѣднiй знаетъ срокъ своей кары. Друзья политическаго изгнанника тоже остаются въ невѣденiи относительно вины, за которую онъ пострадалъ, часто онъ и самъ не знаетъ этого, но и онъ и его друзья хорошо понимаютъ, что вина эта не могла быть доказана, ибо въ противномъ случаѣ обвиненiе было бы предъявлено суду. Обнародованiе закона объ административной высылкѣ сопровождалось объясненiемъ, что она есть обыкновенная, милостивая мѣра, имѣющая цѣлью облегчить наказанiе молодымъ, подпавшимъ вредному влiянiю преступникамъ, замѣнивъ для нихъ ссылкой тѣ болѣе строгiя кары, которымъ они подверглись бы, если бы обвиненiе было поведено формальнымъ судомъ. Однако же когда московское дворянское собранiе стало ходатайствовать, чтобы всякому осужденному къ административной высылкѣ было предоставлено просить о судебномъ разсмотрѣнiи его вины, то это ходатайство было оставлено безъ удовлетворенiя.

Въ 3), новая причина общаго недовольства правительствомъ лежитъ въ настоящемъ положенiи судебной части и мѣстнаго самоуправленiя. Въ началѣ настоящаго царствованiя политическiе идеалы русскаго общества встрѣчали поощренiе даже у верховнаго правителя имперiи, но при первыхъ же шагахъ къ ихъ осуществленiю администрацiя высказала недовѣрiе къ обществу. Вслѣдъ за обнародованiемъ такихъ, напр., законовъ, какъ земское положенiе и судебные уставы, начались и урѣзыванiя ихъ. Всѣ уже перечисленныя нами ограниченiя власти земскихъ собранiй, исключительные прiемы преслѣдованiя за политическiе проступки, система административныхъ высылокъ, изъятiе политическихъ преступленiй отъ суда присяжныхъ и передача ихъ специальнымъ судамъ—все это есть ограниченiе и лишенiе правъ заранѣе дарованныхъ. Эти урѣ-

зыванія начались тотчасъ же по вступленіи въ дѣйствіе новыхъ законовъ и производились постепенно, такъ что не могутъ быть признаны случайными. Прослѣдите, напр., послѣдовательность отступленія, совершеннаго нами отъ порядка вещей, созданнаго новыми судебными уставами, до принятаго нынѣ способа веденія политическихъ процессовъ. Сначала эти суды были независимы и руководствовались единственно своей юрисдикціей; потомъ къ присутствію въ нихъ были назначены чины III-го отдѣленія, затѣмъ равновѣсіе власти нарушилось въ пользу III-го отдѣленія, и, наконецъ, весь авторитетъ и вся отвѣтственность сосредоточилась въ рукахъ жандармовъ. Эти и подобные факты ясно рисуютъ отношеніе правительства къ своимъ реформамъ. Такое отношеніе побудило общество выступить на защиту дорогихъ ему учрежденій, и вотъ правительство и общество, вмѣсто того, чтобы братски содѣйствовать дѣлу реформъ, начали враждовать другъ съ другомъ. Общество часто за это обвиняли, и можетъ быть, оно и заслужило иногда порицаніе, но порицатели не должны забывать, что въ государствѣ, гдѣ правительство всемогуще, ему слѣдуетъ выказывать и больше самообладанія.

Въ 4), все происшедшее съ представительными учрежденіями и судебнымъ вѣдомствомъ произошло и съ печатью и еще можетъ быть, въ худшей формѣ. Закономъ 1865 г. были дарованы нашей печати нѣкоторыя права въ видѣ уничтоженія въ опредѣленныхъ случаяхъ предварительной цензуры и введенія судебнаго разбирательства по проступкамъ печати, но этотъ законъ, благодаря разнымъ стѣснительнымъ мѣропріятіямъ, скоро сталъ мертвой буквой. Существующая система предварительной цензуры, покоящаяся на административномъ произволѣ, имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: она не можетъ установить пра-

вилъ, ясно опредѣляющихъ, что и въ какихъ случаяхъ должно быть запрещено печати и считаться преступленіемъ. Поэтому и сами цензора жалуются, что имъ иногда въ одно и тоже время приходится получать выговоръ за пропускъ книги и статей очевидно невинныхъ, и такой же выговоръ за непропущеніе статей и книгъ очевидно зловредныхъ. Есть еще и другая несправедливость, возмущающая общество. Часто бываетъ, что изъятіе какого нибудь вопроса цензурнымъ предписаніемъ изъ области литературнаго обсужденія не препятствуетъ писателямъ правительственнаго лагеря обсуждать его съ своей точки зрѣнія, рѣзко нападая на противниковъ, въ то самое время какъ послѣдніе, связанные предписаніемъ, не могутъ не только что выразить, но даже выяснить причины своэго молчанія. Иллюстраціей этого можетъ послужить, напр., вопросъ о классическомъ преподаваніи въ нашихъ школахъ. Стѣсненіе печати и ограниченіе свободы слова могутъ еще имѣть нѣкоторый raison d'être въ странѣ, гдѣ правящая власть чувствуетъ свою относительную слабость передъ обществомъ; но, какъ хорошо извѣстно, власть правительства у насъ громадна. Если такое правительство боится гласности, значитъ оно должно что-то скрывать отъ общества —такое заключеніе неизбѣжное вытекаетъ изъ настоящаго положенія печати.

Потребность въ свободѣ слова всего болѣе ощущается въ періоды недовольства, но и кромѣ того эта потребность въ русскомъ обществѣ крайне настоятельна. Русскій народъ переживаетъ серьезный кризисъ своей исторіи, кризисъ экономическій, соціальный, политическій. Только свободный обмѣнъ мыслей можетъ ослабить трудности такого переходнаго періода. Если для борьбы съ этими трудностями правительство избираетъ путь несогласный съ обще-

ственными симпатіями, то одна только печать можетъ послужить средствомъ успокоенія естественной тревоги и раздраженія. Отказываясь выслушивать мнѣнія ея, правительство не только что обнаруживаетъ недовѣріе къ собственнымъ силамъ, но и лишаетъ себя средствъ узнать взгляды тѣхъ, съ которыми оно вступило въ борьбу. Въ общественномъ организмѣ могутъ существовать потребности и силы, совершенно неизвѣстныя правительству и которыя могутъ захватить его врасплохъ, что и случилось въ настоящее время. Администрація и теперь не въ состояніи открыть, гдѣ находятся враги общественнаго порядка и даже сомнительно, чтобы ей были извѣстны ихъ способы дѣйствія, ибо, уничтожая гласность, она сама окружила все это атмосферой тайны и мрака. При отсутствіи свободы слова враги правительства должны оставаться неизвѣстными и для самого общества. Неудовлетворенное стремленіе общества къ свободѣ слова есть одинъ изъ главныхъ источниковъ существующаго недовольства. Всякій человѣкъ, въ силу закона самого интеллекта, ищетъ обмѣна мыслей съ другими, дабы убѣдить ихъ или быть убѣжденными ими. Состязаніе необходимо для жизни мысли, и его можно уничтожить только съ самой мыслью. Ограниченіе же свободы обсужденія не уничтожаетъ энергіи мысли, а напротивъ, сообщаетъ ей большую интенсивность и сосредоточенность, и если оно препятствуетъ столкновенію умственному, то за то приводитъ къ столкновенію соціальному и политическому.

IV.

Недовольство, проникшее въ русское общество, какъ результатъ ошибочнаго направленія правительственной

внутренней политики, можетъ быть устранено только при участіи самого общества. Довольно и бѣглаго взгляда на положеніе страны, чтобы убѣдиться, что наступило время, когда слѣдуетъ призвать къ дѣятельности всѣ здоровыя силы Россіи. Потребности имперіи постоянно растутъ. Государственный бюджетъ удвоился въ послѣдніе 20 лѣтъ и былъ бы еще больше, если бы удовлетвореніе настоятельныхъ нуждъ имперіи не откладывалось съ году на годъ. Послѣдняя война вызвала чрезвычайныя издержки, большая часть коихъ и до сихъ поръ еще не покрыта. Странѣ становится совсѣмъ невозможно, при настоящей системѣ налоговъ, выдержать даже въ теченіе 5 лѣтъ непомѣрную и постоянно растущую тяжесть государственныхъ обложеній. Хотя новые выпуски бумажныхъ денегъ и временное промышленное оживленіе, послѣдовавшее за войной, помогли правительству въ эти два года свести балансъ безъ дефицита, но на такой благопріятный результатъ нельзя расчитывать въ будущемъ и даже въ текущемъ году. Всякому ясно, что наша система налоговъ нуждается въ преобразованіяхъ, но не въ такихъ, которыя состоятъ въ простомъ замѣщеніи одного налога другимъ, а въ фундаментальномъ преобразованіи всей системы, въ равномѣрномъ распредѣленіи тяжести налоговъ на всѣ классы общества. Но и этого мало. Не принесетъ пользы и такая реформа, если при этомъ не возрастутъ благосостояніе народа и его производительныя силы. Всякій, близко наблюдавшій домашній бытъ нашей провинціи, знаетъ, что населеніе ее не богатѣетъ, а бѣднѣетъ. Именно въ настоящій моментъ одна треть имперіи страдаетъ отъ недостатка пищи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свирѣпствуетъ настоящій голодъ. Въ южныхъ губерніяхъ зерновой жукъ грозитъ новымъ опустошеніемъ, и въ очень многихъ губерніяхъ

дифтеритъ и другія эпидеміи опустошаютъ населеніе. *)

Наша мануфактурная промышленность, по удостовѣренію компетентныхъ лицъ, начинаетъ приходить въ упадокъ, а въ близкомъ будущемъ намъ угрожаютъ и другіе кризисы. Во внѣшней торговлѣ соперничество Соединенныхъ Штатовъ отнимаетъ у насъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе рынковъ. По всѣмъ отраслямъ экономической жизни распространяется болѣзненное чувство недовѣрія, парализующее производительныя силы страны. И это чувство не временный аффектъ; оно глубоко коренится въ сознаніи факта, что нашъ правительственный механизмъ не отвѣчаетъ измѣнчивости и возрастающей сложности потребностей большого государства. И нынѣ, какъ въ старое, доброе время, центральное правительство ревниво недопускаетъ общество къ участію въ національной жизни и беретъ на себя трудную задачу думать и работать за него. Задача эта была тяжела даже когда народная жизнь шла давно проторенннымъ патріархальнымъ путемъ, къ которому привыкли и общество и правительство, но этотъ порядокъ вещей въ послѣдніе годы подвергся такимъ перемѣнамъ, которыя, можетъ быть, не выпадали еще на долю ни одной страны въ предѣлахъ одного поколѣнія. Освобожденіе крѣпостныхъ преобразовало радикально всю экономическую жизнь крестьянъ и землевладѣльцевъ. Желѣзныя дороги создали новыя индустріи, уничтоживъ много старыхъ, и сосредоточили благосостояніе цѣлыхъ губерній въ рукахъ желѣзнодорожныхъ воротилъ. Банки и разнаго рода финансовыя учрежденія выросли въ большомъ количествѣ и тѣсно связали различныя части имперіи взаим-

---

*) Вредъ, причиненный хлѣбнымъ жукомъ, превысилъ 15 милліоновъ р. и 40,000 человѣкъ умерло отъ дифтерита въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ.

ными обязательствами и задолженностью. Всѣ эти измѣненія, осложненныя и дополненныя другими въ томъ же родѣ, создали повсюду тысячи вопросовъ и потребностей прежде неизвѣстныхъ и такъ переплели между собою интересы отдаленныхъ мѣстностей, что замедленіе или неправильная постановка вопроса въ одномъ пунктѣ производитъ вліяніе на другіе, самые отдаленные. Всякая мѣстная нужда или бѣдствіе, засуха ли, или хлѣбный жукъ, непорядки на желѣзныхъ дорогахъ, эпидеміи, эпизотіи или промышленный застой, не утрачивая своего мѣстнаго значенія, отзываются на всей имперіи, какъ цѣломъ.

Никакая администрація, даже если бы она обладала сверхъестественной мудростью и энергіей, не въ состояніи будетъ справиться съ безчисленными вопросами и задачами, возникающими въ такой усложнившейся жизни, при отсутствіи общественнаго самоуправленія. Цѣлый рядъ нуждъ и ходатайствъ или остаются совершенно неудовлетворенными, или удовлетворяются плохо, безъ принятія во вниманіе мѣстныхъ интересовъ, или, наконецъ, вызываютъ серію безсистемныхъ и другъ другу противорѣчащихъ мѣръ. Такое обхожденіе съ народными нуждами подрываетъ довѣріе къ власти и внушаетъ недовѣріе къ ней.

Единственное средство вывести страну изъ ея настоящаго положенія заключается въ созваніи независимаго собранія изъ представителей земствъ и въ предложеніи этому собранію участія въ управленіи націей и въ выработкѣ необходимыхъ гарантій для правъ личности, свободы мысли и слова. Такая свобода вызоветъ къ дѣятельности самыя способныя силы общества, пробудитъ дремлющую жизнь народа и разовьетъ все обиліе производительныхъ ресурсовъ государства. Свобода лучше самыхъ строгихъ

репрессивныхъ мѣръ, будетъ способствовать исчезновенію анархическихъ элементовъ, враждебныхъ государству. Свободное обсужденіе докажетъ ошибочность ихъ теорій, а могучая и здоровая дѣятельность, замѣнивъ настоящее повальное недовольство, отниметъ у нихъ поле для ихъ пропаганды.

Русскіе не менѣе Болгаръ созрѣли для свободныхъ учрежденій и не могутъ не чувствовать глубокаго униженія, оставаясь такъ долго подъ опекой. Стремленіе къ подобнымъ учрежденіямъ, хотя и вынужденное скрываться и отчасти задушенное репрессивными мѣрами, тѣмъ не менѣе находитъ себѣ выраженіе въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ и въ печати. Дарованіе такихъ учрежденій и созывъ представителей общества воскреситъ силы націи, а также и ея довѣріе къ правительству и ея собственной будущности. Когда русское общество охотно бросилось въ недавнюю войну, то оно при этомъ инстинктивно сознавало, что въ освобожденіи родственныхъ національностей лежитъ залогъ и его собственной свободы. Неужели же этимъ желаніямъ и надеждамъ не суждено никогда осуществиться?“

Это патріотическое, умѣреннее въ требованіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлое заявленіе было, дѣйствительно, прочитано царемъ и произвело на него впечатлѣніе, но къ сожалѣнію было уже поздно: 12 марта 1881 г. онъ подписалъ указъ, возвѣщавшій о его намѣреніи созвать народное собраніе и приступить къ конституціоннымъ реформамъ; а на другой же день послѣ этого, прежде чѣмъ указъ былъ обнародованъ, Александръ II былъ убитъ.

